

© 1990 г.

БОРИСОВА Е. Г.

ОТРАЖЕНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ЛЕКСИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ

Словарные описания служебных слов, имеющиеся в существующих толковых словарях, по большей части не удовлетворяют требованиям, предъявляемым к описаниям значений в наши дни [1]: явно несинонимичные слова получают одинаковое описание (ср., например, толкование слов *даже* и *и* в [2]), то или иное толкование может без натяжек быть отнесено только к части реально наблюдаемых случаев употребления служебного слова.

Развернувшееся в последнее десятилетие интенсивное изучение служебных слов [3—5] позволило вскрыть многие особенности их семантики, которые ранее ускользали от лексикографов, в частности значительные отличия семантики служебных слов от полнозначных частей речи. Возникла необходимость ответа на вопрос: существует ли лексическое значение служебных слов, а если существует, то в чем причина столь глубоких различий между лексическими значениями полнозначных и служебных слов.

При описании некоторых разрядов служебных слов, наиболее тесно связанных с синтаксическими конструкциями, возникает вопрос: нельзя ли считать, что семантика, приписываемая служебному слову, на самом деле является фрагментом значения синтаксической конструкции, а служебное слово является лишь маркером возможности (или невозможности) употребления этого значения в данном контексте? Особенно актуален этот вопрос для усилительных частиц.

Принятию такой точки зрения препятствует следующее соображение. Служебные слова, и в частности усилительные частицы, как правило, употребляются в достаточно разнообразных контекстах. Одна и та же частица может употребляться и в вопросительном предложении, и при выражении побуждения, и в повествовании, и в ответных репликах (таковы частицы *же*, *да*, *ну* и др.). Значения синтаксических конструкций, в которых может употребляться одна и та же частица, нередко оказываются совершенно различными, совершенно различной может оказаться и интонация в каждом из таких случаев. Более того, нередко какая-нибудь конструкция с частицей имеет гораздо больше сходства с конструкцией, в которой данная частица недопустима, чем с другими конструкциями, содержащими данную частицу. Так, достаточно схожими представляются предложения, содержащие причинную конструкцию: *Петя не придет: он болен* и *Петя все расскажет: он это видел*. Однако в первом мы не можем употребить частицу *-то* в причинном значении, в то время как во втором она вполне уместна со словом *он*, а сходство второго предложения с первым заведомо больше, чем, например, его сходство с предложением *Закрой дверь-то или В этом-то я уверен*, где употреблена та же частица. Вместе с тем все или большинство употреблений служебного сло-

ва имеют нечто общее в значении. Так, во всех употреблениях частицы *же* так или иначе выражается значение «сообщаемое известно слушателю» (мы не касаемся здесь отождествительного и сопоставительного *же*).

Сходство разных значений одного служебного слова при значительном различии синтаксических конструкций, в которых они употреблены, представляется достаточно убедительным доводом в пользу наличия у служебных слов самостоятельных лексических значений. Однако отличие этих значений от лексических значений полнозначных слов достаточно разительно. Это заставляет поставить вопрос, в чем заключается специфика значения служебных слов.

Для ответа на вопрос попробуем определить, что может входить в значение лексемы — полнозначной — с одной стороны, и служебной — с другой. Под значением языкового элемента мы понимаем ту информацию, которую получает слушающий, встретивший данный элемент в тексте (устном или письменном). Информация, которую можно извлечь из текста, является разнородной. Можно выделить такие типы информации, как номинативная (отражение внеязыковой реальности), синтаксическая (сведения о связи слов в речи), прагматическая (сведения об акте общения, его участниках и т. п.), а также эмоциональная и другие типы [6].

Не вызывает сомнений, что номинативная информация (передаваемая в первую очередь значащими словами) может составлять значение языкового элемента. Однако можно ли считать, что значением признается только данный тип информации? Если встать на такую точку зрения, то окажется, что часть морфем и некоторые слова — союзы, частицы, предлоги, отражающие только синтаксические отношения (как, например, предлог *на* в сочетании *вызвать на разговор*), вообще не имеют значения, а это противоречит принятому определению морфемы как минимальной единицы, обладающей значением. Таким образом, более логично считать, что значение языковых элементов может составлять не только номинативная, но и синтаксическая информация.

Введение в рассмотрение синтаксической информации, учет сходств и различий номинативной и синтаксической информации, выражаемой языковым знаком, стали возможными благодаря выделению двух типов значения — номинативного и синтаксического, осуществленному в 60-е годы [7]. Экспликация понятия «синтаксический тип значения» позволила сделать необходимые выводы относительно метаязыка для описания значений такого типа. Стала более понятна организующая языковая роль синтаксического значения и его отличие от номинативного, ориентированного на отражение внеязыковой реальности. Кроме того, открылась возможность более определенно судить о месте, которое занимают в лексической системе языка такие служебные слова, как предлоги, подчинительные союзы и т. п., в семантике которых синтаксический тип значения является преобладающим.

Однако указанные типы значений явно не исчерпывают всех видов информации, которая представлена в служебных словах. Часть информации, которая передается частицами, союзами и некоторыми другими словами, не может быть отнесена ни к номинативному, ни к синтаксическому типу.

Рассмотрим для примера содержание частицы *-то* в предложении *Я не вернусь — в этом-то я уверен*. Добавление частицы *-то* вызвано желанием говорящего подчеркнуть, что его уверенность относится именно к этому, а не к какому-либо иному факту, т. е. что слово *уверен* следует отнести к слову *это*. Очевидно, что перед нами информация, относящаяся

к высказыванию, а не к внеязыковой действительности. Следовательно, мы не можем считать значение номинативным. О том, что данный фрагмент смысла не может быть отнесен к номинативному типу, косвенно свидетельствуют перифразы, в которых функции коммуникативной организации эксплицируются при помощи конструкций типа английских *cleft-sentences*: информация прагматического типа входит в номинативный компонент значения добавляемых слов, в результате чего отличия по значению от исходного высказывания являются весьма заметными, ср.: *Пришел Иван и Тот, кто пришел, является Иваном.* (Разница здесь аналогична той, которая возникает между синтаксическим и номинативным значениями при попытке эксплицирования какой-либо синтаксической связи, ср.: *Сын Ивана и Слово «Иван» связано со словом «сын», между ними существует отношение принадлежности.*)

Значение частицы *-то* в рассматриваемом выше примере не содержит и синтаксической информации, т. к. *-то* не указывает на отношения слов в предложении и предложений друг с другом: если частицу убрать, наше понимание этих связей не пострадает. Следовательно, перед нами и не синтаксический тип значения. Информация, передаваемая частицей *-то*, помогает слушателю ориентироваться в организации высказывания, в частности, она уточняет, к какой теме относится рема *уверен.* Ее функции оказываются аналогичными функциям синтаксической информации, но в отличие от последней они актуальны на уровне высказывания, а не предложения.

Следовательно, мы должны признать существование особого типа лексического значения, отличного и от номинативного, и от синтаксического, который характеризуется отражением коммуникативной организации высказывания, т. е. прагматической информации. Данный тип значения мы называем коммуникативным. Этот тип широко представлен в семантике служебных (и не только служебных) слов, и поэтому его следует рассмотреть здесь подробнее.

Анализ лексем показал, что в их семантику (а именно, в значение коммуникативного типа, если принять предложенный термин) входят фрагменты смысла, отражающие сведения о тема-рематическом членении высказывания. Например, частица *и* в некоторых значениях показывает, что тема-рематическое членение отличается от того, какое мы бы ожидали от высказывания данного вида без соответствующей частицы, ср.: *Он пришел и Он и пришел к другу* [8]. Эта информация должна быть отражена в описаниях данных значений. Аналогичную функцию выполняет частица *именно*: она указывает на то, что слова, к которым она относится, можно трактовать как рему. Несколько более сложным является назначение частицы *-то*: она не просто показывает, что слова являются темой высказывания, но и уточняет те свойства, которыми обладает эта тема и которые отличают ее от большинства других тем [9].

Кроме сведений, касающихся тема-рематического членения высказывания, в семантику слова может входить информация о том, насколько то или иное сообщение оказывается новым, неожиданным для слушателя. Такая информация тоже связана с коммуникативной функцией, относится к коммуникативной организации высказывания. Следовательно, фрагменты смысла слова, отражающие новизну/неновизну сообщения, также следует отнести к коммуникативному типу значения. В частности, такой фрагмент смысла можно обнаружить в семантике частицы *же* (мы не касаемся отождествительного и сопоставительного значений этой частицы, далеко отошедших от основного). Обычно эта частица употребляется тогда, когда сообщаемое

в реме уже в какой-то степени известно слушателю. Действительно, фраза *Ты не пойдешь — там же холодно* возможна тогда, когда слушающий знает, что там холодно (по крайней мере, так должен думать о нем говорящий).

Маркером известности определенного типа можно считать и частицу *и* в одном из значений. В примерах, подобных предложению *Меня пригласили — я и пришел*, частица *и* употребляется для того, чтобы показать предсказуемость, ожидаемость события в сфере действия этой частицы: если человека пригласили, то его приход можно считать весьма вероятным событием. Фрагмент смысла, отражающий частичную известность/предсказуемость, также относится к коммуникативному типу значения.

К этому же типу значения следует отнести и значения различных частиц, маркирующих эмфазу, — выделенность какого-либо слова, фрагмента смысла и т. п. В частности, такую функцию можно усмотреть у частиц *как раз, именно, вот*, а также *даже, —таки* и некоторых других. При этом типы выделенности у разных частиц (а иногда и у разных значений одной частицы) будут различными, они будут по-разному описываться и объясняться. Соответственно, в семантику слов-выделителей будут входить разные фрагменты смысла, но их можно будет отнести к коммуникативному типу значения.

Предложенную классификацию фрагментов значения, относящихся к коммуникативному типу, ни в коей мере нельзя считать исчерпывающей. Дальнейшее изучение аспектов коммуникации и описание лексем и граммем, наиболее тесно связанных с коммуникативной организацией высказывания, позволит обнаружить новые фрагменты смысла, которые окажется разумным отнести к определенному коммуникативному типу.

Однако существуют случаи, когда в значении лексем отражается информация, в той или иной степени связанная с коммуникацией, и тем не менее не всегда такое значение может быть отнесено к коммуникативному типу. Так, в той или иной степени связаны с коммуникацией пресуппозиции — фрагменты значения, истинность которых сохраняется и в том случае, когда данная лексема подвергается действию отрицания [10]. В частности, существуют так называемые коммуникативные, или прагматические, пресуппозиции [10, с. 101]. Эти пресуппозиции содержат информацию, которая предполагается истинной и известной и говорящему, и слушающему.

Фрагмент смысла, составляющий прагматическую пресуппозицию, может относиться к любому типу значения. К коммуникативному типу может быть отнесено только содержание знака, показывающего, что перед нами прагматическая пресуппозиция. В [10, с. 102] в роли такого знака выступает интонация, поскольку именно этот знак сообщает нечто о коммуникативной организации высказывания. Таким образом, пресуппозиция сама по себе, в том числе и прагматическая пресуппозиция, не относится к коммуникативному типу значения.

В процессе коммуникации говорящий нередко выражает эмоции, свою оценку сообщаемого — при помощи междометий (*ох, фу* и т. п.), эмоционально окрашенной лексики (*негодяй, рожа* и т. п.). Однако вряд ли в данном случае уместно относить это значение, включающее эмоциональную информацию, к коммуникативному типу: сведения об отношении какого-либо лица к чему-либо нельзя считать информацией об организации высказывания. С большим основанием такую информацию следует

признать отражением реальности, т. е. такое значение должно быть отнесено к номинативному типу¹.

Наконец, не всякая информация прагматического типа относится к коммуникативному типу, поскольку существует прагматическая информация, не относящаяся к коммуникативной организации высказывания. Так, прагматической следует считать информацию об иерархических отношениях между участниками речевого акта (Таковыми являются, например, сведения о том, что местоимение *вы* употребляется при обращении к одному человеку по отношению к старшим, занимающим более высокое положение и т. п., сведения о том, что частица *-ка* употребляется при обращении к младшему, подчиненному и т. п.). В то же время эта информация не относится к собственно организации высказывания и, по нашему определению, она не составляет значения коммуникативного типа. Действительно, сведения о социальном положении участников речевого акта ближе к информации о внеязыковой действительности и могут быть описаны теми же средствами, что и информация номинативного типа.

Особо отметим, что, говоря о номинативном, синтаксическом и коммуникативном типах значения, мы не обязательно имеем в виду значение всей лексемы или грамемы: в содержании этих элементов могут сочетаться фрагменты, относящиеся к разным типам значения.

Рассмотрим для примера частицу *-то* в следующем употреблении: *Ему дали шапку — наверху-то холодно*. Обычно [8, с. 10] считается, что в данном случае частица *-то* имеет причинное значение. Действительно, это значение можно описать приблизительно как «нечто является причиной того, о чем говорится в предшествующем предложении». Указание на связь значений предложений следует считать синтаксическим компонентом значения. Сведения о том, что нечто является причиной чего-либо, являются информацией о внеязыковой действительности и, следовательно, представляют собой номинативный компонент. Наконец, в этом случае, как и в других случаях употребления частицы *-то*, она выступает в качестве маркированной в связи с важностью для говорящего того обстоятельства, что сообщение относится именно к данной теме предложения. В этом случае можно говорить о фрагменте значения коммуникативного типа. Таким образом оказывается, что в лексическом значении частицы *-то* сочетаются фрагменты смысла всех трех типов.

Сложная структура семантики служебных слов является одной из причин тех трудностей, которые возникают перед исследователем, их описывающим: наличие в семантике слова фрагмента коммуникативного типа, имеющего принципиальные отличия от других типов значения, может поставить в тупик лексикографа, пользующегося традиционными средствами, выработанными для описания значений номинативного типа. Сказанное относится в первую очередь к частицам, преимущественно к усилительным: для семантики практически всех усилительных частиц характерны фрагменты значения коммуникативного типа (выше мы рассмотрели семантику некоторых из них). Однако распространение данного типа значения не ограничивается частицами.

Семантический анализ лексем различных частей речи показал, что коммуникативный тип значения можно обнаружить в словах, относящихся как к служебным, так и к некоторым знаменательным частям речи. Рассмотрим для примера семантику союза *а* (служебная часть речи)

¹ Естественно, мы не отрицаем необходимости отдельного рассмотрения различных видов значения, которые могут быть отнесены к номинативному типу.

и семантику местоимения *сам*, которое относится к знаменательной части речи.

Сочинительный союз *а* можно считать маркером ввода новой информации. Новизна информации отличает союз *а* от союза *и*: последний вводит информацию, не являющуюся неожиданной для слушателя, ср.: *Я вошел, и дверь закрылась* и *Я вошел, а дверь закрылась*. В первом предложении то, что дверь закрылась, представлено как естественное событие, которое можно ожидать вслед за первым. В предложении с союзом *а*, напротив, событие представлено как неожиданное, заранее непредсказуемое.

Наш тезис вполне согласуется с фактами, описанными в работе [11]: в сопоставительных сложноподчиненных предложениях с союзом *а* ремы сообщений не должны совпадать. Иными словами, рема сообщения, вводимого союзом *а*, содержит информацию, отличную от сообщаемой в предшествующем предложении, а это соответствует нашему пониманию функции союза *а*.

Введение новой информации, логически невыводимой из предшествующего текста, имеет место и в предложениях, содержащих «переход от одного предмета к другому»: *Встала перед глазами изба холодная, а в избе холодной мать хворая лежит*. Логично говорить о вводе новой информации и в предложениях с отрицаниями *Он не устал, а заболел*, поскольку в них отрицается существование чего-либо и вместо этого утверждается существование другого объекта, свойства или явления.

Если принять предлагаемое нами понимание семантики союза *а*, то следует признать, что его значение состоит из двух фрагментов. Первый фрагмент — это информация о связи предложений или членов предложения. Данный фрагмент следует отнести к синтаксическому типу значения. Второй фрагмент характеризует отношение между соединяемыми компонентами, в частности, в нем содержится информация о том, что во втором компоненте передаются новые сведения, появление которых нельзя было предсказать, основываясь на информации, передаваемой первым компонентом. Сведения о новизне информации относятся к коммуникативной организации высказывания, следовательно, второй фрагмент значения союза *а* нужно отнести к коммуникативному типу значения.

Местоимение *сам* является многозначным. В предложениях *Сделай сам; Не трогай его — он сам все поймет* и аналогичных слово *сам* имеет значение «без посторонней помощи», которое целиком может быть отнесено к номинативному типу. Иное значение представлено в примерах *Тебя зовет сам начальник, Его в самой Москве хорошо принимали* и т. п. В этих предложениях местоимение *сам* употребляется для подчеркивания особого положения человека (или объекта, места и т. п.) в иерархии — общепринятой или известной лишь узкому кругу лиц, ср.: *Мне сам вахтер разрешил*.

В третьем значении — оно реализуется в примерах *Сам-то он еще ничего, а вот его семья...; Вы живете в пригороде или в самой Москве?; Ты встретился с его коллегами или видел его самого?* — речь идет о противопоставлении множества и его части, причем последняя представляется как выделенная, наиболее представительная часть множества (глава семьи — семья, центр района — район, человек — его коллеги). Выделение такого элемента осуществляется средствами коммуникативной организации — элемент занимает позицию ремы (*Я видел его самого*), или выделенной темы (ср. тему при сопоставлении: *Сам-то он еще ничего,*

а вот его семья...), или тему при перечислении (*Все Петровы трудолюбивы — и сам Василий Степанович, и его дети*) [12].

Еще одно значение местоимения *сам* реализуется в примерах *Кто разбил Петину чашку? — Сам Петя; Мне это не нравится — Я и сам возмущен*. Характерной здесь является выделенная позиция слова, к которому относится местоимение *сам*, и актуализованность понятия, обозначенного этим словом (понятие должно называться в предшествующем тексте или подразумеваться).

И в третьем, и в четвертом значениях местоимения *сам* мы сталкиваемся с элементами значения коммуникативного типа: в обоих случаях это информация о выделении, а в четвертом значении это также и сведения об актуализованности, поскольку это понятие, близкое к противопоставлению «данное — новое», входит в коммуникативную организацию высказывания. Вместе с тем во всех четырех значениях слово *сам* остается местоимением, т. к. оно служит для отождествления имени с денотатом. Таким образом, рассмотрение семантики этой лексемы показывает, что значение коммуникативного типа может встретиться и в содержании слов, относящихся к значащим частям речи.

Принципиальные различия между номинативным и коммуникативным типами значения делают очень затруднительным описание значения коммуникативного типа средствами, выработанными в лексикографии. Поэтому возникает необходимость в выработке специального языка описания для значений коммуникативного типа.

Аналогичные задачи встают и при описании значений синтаксического типа: использование традиционных лексикографических средств для описания значений предлогов и союзов, т. е. тех служебных слов, в которых значение синтаксического типа составляет основную часть содержания, представляется громоздким или неточным [13, 14]. В таких случаях, как правило, используется потация, разработанная в грамматике. Например, в описании союза *потому что* указывается, что этот союз служит для присоединения придаточных предложений, а категория придаточных предложений рассматривается в разделе грамматики. В отличие от грамматики, в теории коммуникативной организации еще не выработана достаточно устойчивая и общепринятая терминология. Следовательно, употребление в толковании слов тех или иных терминов, отражающих такие понятия, как «эмфаза», «тема», «рема» и т. п., могут привести к неоднозначному пониманию сказанного.

Учитывая это, можно предложить при толкованиях давать определения понятий, связанных с коммуникативной организацией (темы, ремы, данного, нового и т. п.) на том же метаязыке, на котором осуществляется описание значений номинативного типа. Например, «тема» может описываться как «то, о чем сообщается», «актуализованное» — «то, о чем говорилось в данном тексте или диалоге» и т. п.

Конечно, при этом необходимо иметь в виду, что на одном и том же языке, нередко одними и теми же словами описываются принципиально несовпадающие явления — номинативное и коммуникативное значения. Поэтому для того чтобы избежать путаницы, следует там, где это возможно, выделять выражения, описывающие значения коммуникативного типа, определенными знаками.

С другой стороны, сходство языка для описания значений номинативного и коммуникативного типов отражает реально существующее сходство между ними, что проявилось в развитии значений некоторых лексем от номинативного типа к коммуникативному, и наоборот. Так, значение

частицы *уж* (ср.: *Уж этого я тебе не прощу*) относится к коммуникативному типу. Вместе с тем очевидно его сходство с фрагментом значения слова *уже*, которое относится к номинативному типу.

Мы рассмотрели основные особенности коммуникативного типа значения. Была сделана попытка доказать необходимость выделения фрагментов лексического значения, отражающего коммуникативную организацию высказывания, в особый тип, сопоставимый с выделенными ранее номинативным и синтаксическим типами. Далее были проанализированы типы информации, отражаемой значением коммуникативного типа. На примерах было продемонстрировано распространение значения данного типа как в сфере служебных, так и в сфере значащих частей речи. Были высказаны некоторые соображения о метаязыке для описания значения коммуникативного типа. Учитывая широкое распространение коммуникативного типа значения в семантике служебных слов (более всего — в усилительных частицах), можно утверждать, что изучение этого типа значения, разработка методики его описания позволяют давать служебным словам более точные, полные, адекватные толкования, чем те, которые представлены в ныне существующих словарях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. М., 1974.
2. Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти т. М.; Л., 1948—1965.
3. Vasilyeva A. N. Particles in colloquial Russian. М., 1972.
4. Крейдлин Г. Е., Поливанова А. К. О лексикографическом описании служебных слов русского языка // ВЯ. 1987. № 1.
5. Богуславский И. М. Исследования по синтаксической семантике. М., 1985.
6. Шрейдер Ю. А. О семантических аспектах теории информации // Теоретические проблемы информатики. М., 1963.
7. Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М., 1967. С. 25.
8. Борисова Е. Г. Семантический анализ усилительных частиц русского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1983.
9. Широкова Е. Г. О комплексном описании семантики усилительных частиц русского языка // Болгарская русистика. 1982. № 6.
10. Падучева Е. В. Понятие презумпции в лингвистической семантике // Семиотика и информатика. 1977. Вып. 8.
11. Крейдлин Г. Е., Падучева Е. В. Значение и синтаксические свойства союза *а* // НТИ. Сер. 2. 1974. № 9.
12. Николаева Т. М. Акцентно-просодические средства выражения категории определенности-неопределенности // Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках. М., 1979.
13. Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.
14. Крейдлин Г. Е. Лексема *даже* // Семиотика и информатика. 1975. Вып. 6.